

Грозовая молния, внезапно прорезавшая небо над Большим залом, озарила его холодным светом. Гарри, с окаменелым сердцем, понял, что это он, сам того не желая, выпустил эту мощную силу. Гром, раскатившийся по залу, заставил многих студентов вздрогнуть. Магия, бурлившая в его венах, снова утихла, но не исчезла, как после Чемпионата мира по квиддичу. "Что это было?" — прошептал Рон, глядя на Гарри с испуганным любопытством. — Не знаю, — ответил Гарри, чувствуя, как холодный пот проступает на его лбу. — Кажется, я не совсем контролирую... — он замолчал, не найдя слов, чтобы описать эту неконтролируемую силу, эту магию, которая, казалось, сама выбирала, когда ей явиться. Гарри чувствовал, что ему необходимо узнать больше о своей беспалочковой магии. Почему она так тесно связана с электричеством? Или это он сам устанавливает эту связь? С тех пор, как он узнал о её существовании, в его сознании непрерывно вспыхивала ассоциация с молнией. — Это же Безумный Глаз Муди! — Рон шепнул, его голос дрожал от волнения. — Он бывший аврор, один из лучших, что когда-либо были в Министерстве! Муди, прихрамывая, подошел к своему месту, кивнув директору. Гарри заметил, как глаза Дамблдора подозрительно уставились в небо, после чего он вернулся к еде. Гарри втайне отметил, что в присутствии директора ему придется изо всех сил контролировать свою беспалочковую магию. Было бы не очень хорошо, если бы Дамблдор узнал о том, что он маг. Рон громко заурчал, уставившись на стоящую перед ним тарелку, и через несколько секунд его желудок последовал его примеру. К счастью для Рона и его желудка, первокурсники вошли вместе с МакГонагалл всего через десять минут, а Хагрид — несколькими мгновениями раньше. Все они были мокрые с ног до головы, а на одном из них даже было огромное пальто Хагрида. Несколько человек поскользнулись на мокром полу, за что старшие ученики были награждены взглядом МакГонагалл. Вскоре Гарри узнал, что учеником в пальто Хагрида был Деннис Криви, младший брат Колина. — Если он такой же, как его брат, вам придется следить за тем, чтобы он не залез в ваше расписание, — пошутил Дин, вызвав смех у Симуса и Рона, а также у Невилла и Гарри. Гермиона слегка покачала головой, на ее лице появилось неодобрительное выражение. Скорее всего, она собиралась отчитать группу за грубость, но ее прервала Сортировочная шляпа, которая разразилась песней. — Я думал, что песня была другой, когда нас сортировали, — сказал Гарри, хлопая вместе с остальными в зале, когда песня Сортировочной шляпы закончилась. — Каждый год она разная, — прошептала Гермиона, не сводя глаз с профессора МакГонагалл, — То, что ты мог бы узнать, если бы перестал искать неприятности. — Я не ищу неприятности, они сами меня находят! — Гарри защищал Бэддока, Малкольм был отсортирован в Слизерин. — Парень выглядел как Слизерин, это точно. Рон мрачно пробормотал, глядя на Бэддока, который занял свое место за столом: — Нельзя, чтобы змея заразила всех остальных, это точно. Рот Гермионы открылся в недоумении и оставался открытым несколько секунд, прежде чем она начала шепотом спорить с Роном о том, как грубо обращаться с первокурсниками. Гарри уловил лишь несколько случайных фраз из их разговора, но слова Рона напомнили ему кое-что. Я наследник Слизерина. — Он всего лишь маленький мальчик, Рональд, не нужно с ним грубить! — шептала Гермиона. Я, наверное, смогу войти в Тайную комнату, не опасаясь, что на меня нападут. Не то чтобы василиск был жив, чтобы напасть на меня, но это уже не важно. — Ты же знаешь, какие бывают змеи, Гермиона! Нельзя быть с ними милой, иначе они укусят тебя сзади! — продолжал Рон, не замечая возмущения Гермионы. Возможно, там есть что-то, что мне пригодится. Не может быть, чтобы сказочная комната Слизерина была просто гигантским змеиным загоном. Может, я смогу... — Ну и что, что большинство Слизеринцев — это проблемы? Он только что прибыл сюда, вы даже не знакомы! — Гермиона продолжала спорить. — Заткнитесь, пожалуйста, вы двое! — сердито шипел Гарри. Трое гриффиндорских преследователей, четверокурсники и несколько старшекурсников повернулись на голос Гарри. Глаза брюнетки и рыжей резко расширились, но затем быстро затихли. Каждый из них обернулся к Сортировочной шляпе, которая только что отсортировала Уитби и Кевина в Пуффендуй. — Дамблдор встал со своего кресла, похожего на трон, и сказал: — В конце праздника будет несколько объявлений, но сейчас у нас есть только одно. Да начнется

пир! Тарелки перед ними засверкали, внезапно наполнившись всеми британскими яствами, которые только можно себе представить. Рон с нетерпением наполнил свою тарелку до краёв и с ожесточением набросился на стейк. Сидящие вокруг него медленно отодвинулись: его привычки в еде действительно вызвали отвращение. Гермиона уставилась на свою еду, сузив глаза. Она осмотрела блюда, расставленные на столах других домов, прежде чем произнести вслух. — Как они могут готовить столько еды? Ты не можешь трансфигурировать что-то в еду, и все блюда выглядят по-разному, так что они определенно не были продублированы. Ник, который прилетел обратно к ним, радостно рассказывал Гермионе о домовых эльфах, хотя остальные гриффиндорцы от него отмахнулись. Все они знали выражение лица Гермионы и были не в восторге от того, что она сейчас приготовит. Гермиона быстро отодвинула от себя еду, бормоча про себя про рабство. — Кто-нибудь делает ставки на то, сколько времени ей понадобится, чтобы принять закон о защите домовых эльфов? — прошептал Симус, усмехаясь. — Не говори так, — предупредил Дин, — Ты ее знаешь, она пойдет и сделает это. — Но они же домовые эльфы! Это же не рабство! — сказал Рон с набитым едой ртом. — То, к какому виду они принадлежат, не меняет сути дела, приятель, — сказал Симус. Гарри кивнул в знак согласия, хотя его мысли все еще были сосредоточены на Тайной комнате. Он действительно начинал соглашаться со своими первоначальными мыслями. Там должно быть что-то еще. Гарри был совершенно уверен, что Волдеморт не стал бы продолжать возвращаться в Тайную комнату, если бы это было всего лишь логово василиска. Там должно было быть что-то большее, что-то ценное, что он мог бы использовать. Что-то, что позволило бы наконец остаться в одиночестве. Больше всего Гарри хотел, чтобы его оставили в покое Дамблдор и Волдеморт. Гарри начал подозревать, что именно Дамблдор доставил его к Дурслям все эти годы. И уж точно именно он ежегодно возвращал Гарри. Он начал замечать трещины в фасаде доброго дедушки, что ему совсем не нравилось. Дамблдор должен был дать ему Ключ от хранилища, рассказать о магии и о своей родословной. Вместо того чтобы сообщить Гарри о его происхождении из Слизерина, он просто сказал: "Когда ты победил Волдеморта, ты украл часть его силы". — Теперь Гарри знал, что это не так. Это, конечно, не означало, что Гарри не уважал старика. Лето, прошедшее под знаком опасных приключений, заставило Гарри пересмотреть свои взгляды на мир. Дамблдор, фигура, прежде казавшаяся непогрешимой, теперь вызывала в нем лишь недоверие. А Волдеморт... Тот, кто забрал у него родителей, бросил в объятия безразличных Дурслей, тот, кто заставлял его постоянно балансировать на грани жизни и смерти. Гарри устал от этой бесконечной борьбы. — Хочу просто жить нормальной жизнью, — с тоской подумал он. — Вернусь в свою комнату, посмотрю, что нашел Том. Может, там есть что-нибудь интересное. Идея была безрассудной, это он прекрасно понимал. Но ведь он уже столько раз ходил по краю, что, казалось, привык к этому. Гарри хотел позвать Рона и Гермиону, но быстро отказался от этой мысли. Рон, скорее всего, начнет болтать о том, что он "потемнел", а Гермиона, после встречи с василиском, и вовсе не захочет возвращаться в эту мрачную комнату. — А еще она обязательно доложит МакГонагалл, — с легкой досадой подумал Гарри. В конце концов, это была его комната. Он — наследник Слизерина, не так ли? Но наследник... Не убийца. — Я не собираюсь убивать магглорожденных, — успокаивал себя Гарри. — Это просто означает, что я родственник Салазара Слизерина. В этом нет ничего плохого.